

Это любовь,

МАЙОР!

МАРИЯ АБДУЛОВА

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мария Абдулова
Это любовь, Майор!
Серия «Шальная Императрица
против сто одного загона
майора Соловьёва», книга 3

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69796234
SelfPub; 2023*

Аннотация

Последнее, что ему было нужно в жизни, это любовь! Так считал майор Соловьёв до появления в его жизни дочери шефа. Катенька Трофимова, двадцатидвухлетняя дерзкая девчонка, вскружила ему, взрослому мужику и отцу двоих детей, голову, растопила льды в душе и... Гордо ушла, когда он прогнал. Вот только, как оказалось, прогнать – это одно, а отпустить ту, которая забралась настолько глубоко в сердце, совсем другое.

Содержание

Глава первая. Катя.	4
Глава вторая. Александр.	34
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Мария Абдулова

Это любовь, Майор!

Глава первая. Катя.

– Ну и вот, а в конце хочу со всей торжественностью сказать: "Я тебя люблю, Саша!".

И хорошо, что она села, потому что в следующую секунду в перерыве между песнями, в оглушительной тишине, за её спиной раздалось напряжённое, мрачное и пробирающее до костей:

– Повтори.

Вздрогнув от неожиданности и уколовшись об иголки, Катя резко обернулась и встретила взглядом с уже ставшими родными синими глазами. Майор смотрел так, будто видел не её, а пришельца с тремя головами, угрожавшему ему смертью. Сурово, грозно, настороженно, из-за чего вновь заигравшая весёлая музыка на фоне стала звучать совсем невесело. Вот только девушка этого не заметила, пропав в его глазах в первую же секунду. От осознания того, что признание, к которому она столько времени готовилась, всё-таки случилось и случилось не так, как ею изначально планировалось, взволнованно сжалось сердце и перехватило дыхание. А ещё на мгновение показалось будто руки и ноги переста-

ли ей принадлежать, потому что принять более подходящую позу для такого романтического момента Трофимовой удалось не сразу. Зато, когда контроль над телом вернулся, она не стала терять времени. Конечно, было бы гораздо эффективней, если бы Саша застал её в таком положении в том самом, специально купленном для этого дня белье, но и джинсы в облипку с белым укороченным свитером на ней смотрелись очень даже неплохо.

Встав с колен и спрятав подарок за спиной, девушка широко и радостно улыбнулась. Не ответить ей на эту улыбку было невозможно, но Соловьёв стоял в дверном проёме всё с тем же выражением лица и менять его на более добродушное явно не собирался, впрочем, как и снимать верхнюю одежду, в которой стоял до сих пор. Зефира, не отходявшего от неё ни на минуту всё время с момента её прихода, будто ветром сдуло и теперь они остались в комнате только вдвоём на расстоянии десяти шагов. Их Катя преодолела со словами:

– Привет. Ты чего так рано вернулся? У меня ещё сюрприз для тебя не до конца готов.

Подойдя к мужчине вплотную, Трофимова приподнялась на цыпочки и коротко поцеловала его, очень в этот момент похожего на каменное изваяние, в губы. Её тут же окутал аромат свежести с улицы, салона автомобиля и Сашиного личного запаха, который она изучила наизусть и теперь могла назвать своим любимым.

– Как же ты вкусно пахнешь, – протянула девушка, вздох-

нув полной грудью и прикрыв от наслаждения глаза. – Просто нет слов, как вкусно!

Синеглазый никак не отреагировал, продолжая сверлить её всё тем же странным взглядом с высоты своего роста. Катя же улыбнулась ещё шире, довольная произведённым эффектом. Нет, она, конечно, предполагала, что он будет в шоке, но чтобы настолько... Ай-да, Катенька! Ай-да, умница какая! Начало рассказа детям точно положено! Так и скажет им потом: "Ваш папочка потерял дар речи от радости, услышав моё признание в любви!". Вот забавно-то как будет! Мысли о том, что дар речи в этой ситуации может пропасть не только от радости, её голову даже не посетили. Она, вообще, сейчас не могла думать ни о чём, кроме Сашиной близости, своего подарка-сюрприза, который по факту уже перестал им быть, и о том, что он сделает, когда справится с удивлением. Поцелует её? Крепко-крепко обнимет? Сразу утащит в кровать и не отпустит от себя до скончания веков? Или, может, всё вместе? Трофимова была бы только "за". Причём всеми руками и ногами.

– Признаюсь честно, изначально у меня был немного другой план и в нём не было пункта встречать тебя кверху задницей под ёлкой, – хихикнула Екатерина, представив свой недавний видок со стороны. – Я хотела встретить тебя в забудешь-как-себя-зовут белье аки развратная Снегурочка, накрытым столом и крутой речью, но... А какое тут может быть "но"? Сейчас всё покажу! Готовься, будет жарко!

Девушка отступила было в сторону, чтобы побежать переодеться, как он резко удержал её, крепко обхватив ладонью локоть.

– Ты чего, Саш? – удивилась Трофимова. – Я вернусь через...

– Повтори, – словно не слыша её, процедил сквозь зубы мужчина.

– Я вернусь через...

– Не это! Повтори то, что ты сказала, когда не знала, что я стою у тебя за спиной!

Когда она не знала, что помимо её и кота в квартире ещё кто-то есть, то говорила многое. В основном, конечно, свою признательную речь, но о том, что именно из неё Саша успел услышать, могла только догадываться. И самым логичным было бы начать с самого начала, как бы глупо это не звучало, вот только Александр выглядел так, что сразу становилось ясно – лучше бы ей перейти сразу к сути. А суть во всём сегодняшнем мероприятии была в одном – в любви, и именно с неё Катя и решила начать.

– Ты имеешь в виду торжественное "Я тебя люблю, Саша", которое я хотела сказать в конце?

Судя по тому как заходили желваки на его скулах и потяжелел взгляд, девушка попала в точку с первого раза. Только радости от этого почему-то не ощутила. Её, вообще, с каждой секундой всё больше и больше стало охватывать чувство дежавю, вымещая приятное волнение и освобождая место

непониманию. Что-то подобное она чувствовала в их летнее расставание после первой встречи с Сашинной семьёй. И смотрел Синеглазый на неё почти также. Как чужой. Как холодный и абсолютно к ней равнодушный майор юстиции Соловьёв. Единственное, что отличало тот момент и этот, так это отсутствие даже малейшего повода, чтобы так себя вести по отношению к ней. Тогда, да, случилась непредвиденная ситуация, к которой они были не готовы оба и это вылилось в не очень красивое прощание, но сейчас-то ведь всё было иначе. Сейчас всё было совершенно по-другому. Сейчас между ними уже всё серьёзно и отрицать это было также глупо, как и отрицать то, что Катя чертовски красива, опасно умна и поразительно хитра.

– Скажи, что ты пошутила, – тем же тоном выдавил он. – Скажи, что весь этот твой "сюрприз" с бельём, столом и речью, – Александр поморщился как от зубной боли. – Всего лишь грёбаная неудачная шутка.

Трофимова склонила голову к плечу и внимательно на него посмотрела, пытаясь понять серьёзен он или просто прикалывается. В первый вариант не хотелось верить, потому что это означало бы, что она сильно ошиблась насчёт него, а второй вариант отметался сам собой, так как приколы такого рода были не в его характере.

– Во-первых, у меня не бывает неудачных шуток, – девушка вздёрнула гордо подбородок. – Во-вторых, смени, пожалуйста, тон, – расправила плечи, давая понять, что такое

обращение к себе не потерпит. – В-третьих, как ты выразился, "весь этот сюрприз" – не шутка, а скорее чистосердечное признание.

– Тогда откажись от него! – рявкнул Синеглазый так, что затряслись стены. – Забери, бл*ть, его назад сейчас же!

– И не подумаю!

В её голосе было столько твёрдости, что и повышать его не нужно было, чтобы донести свои мысли до присутствующих. Точнее, до одного злого, как чёрт, присутствующего, который похоже совсем потерял связь с реальностью из-за усталости, раз позволял себе такое поведение. Может, всё-таки зря она решила устроить сюрприз именно в новогоднюю ночь? Может, нужно было дать ему возможность хорошенько выспаться и отдохнуть, а потом уже удивлять признанием в любви?

– Катя, не беси меня!

– Я тебя и не бешу. Ты сам бесишься! Непонятно только из-за чего?

– Ты ещё спрашиваешь?!

И снова затряслись стены, а глаза напротив вспыхнули так, что не зная она его настолько хорошо, то, наверное, шарахнулась бы от испуга в сторону, но Катя знала его вплоть до любимого способа завязывания шнурков на кроссовках, поэтому спокойно осталась стоять на месте. Взрывной волной от его вспышки её, конечно, заденет ощутимо, но, как говорится, Майора Соловьёва бояться – его женщиной не

быть, так что держим спину прямо и всем видом даём понять, что он психует зря. Ей уже всё про него ясно. Абсолютно всё. Как бы он не пытался доказать обратное.

– Ты осознанно нарушаешь наш договор и ещё делаешь вид, будто не понимаешь, из-за чего я в бешенстве?! – мужчина наклонился к ней и, очевидно стараясь всеми силами взять эмоции под контроль, медленно проговорил: – Даю тебе последний шанс, детка. Забери свои слова немедленно, иначе...

– Иначе что?

– Иначе я, как и предупреждал, разобью тебе сердце.

Катя сощурилась, ощущая поистине низменное желание причинить боль любимому человеку, а, если конкретнее, то чем-нибудь его стукнуть, чтобы мозги на место встали.

Ну, какое "разобью тебе сердце"?! Ну, что за бред?! Во-первых, её сердце не стеклянное, чтобы его так просто разбить. Во-вторых, она себя любит и вряд ли даст подобному случиться, даже если это захочет сделать её Мистер-задушу-кого-угодно-одним-взглядом. В-третьих, разбитое сердце в её сегодняшние планы не входило. В конце концов, Новый год на носу! Пора чудес, радости и вкусных, но ужасно вредных майонезных салатов! Сегодня, если и можно что-то разбивать, то только фужер для шампанского и то исключительно на счастье! Поэтому "нет", "нет" и ещё раз "нет"!

– Не дождёшься, Саш, – хмыкнула она и, подняв ладонь, ласково погладила его по щеке. – Ты же знаешь, я не из тех,

кто это позволит.

– Ты из тех, кто пиз*ит больше, чем думает, Катя, – Александр резко отвёл её руку от своего лица. – Мы с тобой предельно ясно обговорили условия наших отношений, с которыми ты была согласна и даже заверила меня, что ничего ко мне не чувствуешь. Так что за детский сад ты сейчас устраиваешь?! Что ты себе надумала и, самое главное, с чего?!

– Ничего я не надумала. Я просто поняла, что тогда, когда мы обговаривали этот момент, ошиблась.

– Ошиблась?!

– Да, – кивнула девушка и игриво пробежалась пальчиками по его волосам. – На тот момент я не осознавала, что то, что к тебе чувствую, это и есть любовь. Настоящая любовь, понимаешь, Саш? И, да, я понимаю, что со стороны это выглядит так, будто я тебя специально обманула, но это не так. Честно-честно. Просто я ни в кого до тебя не влюблялась и не понимала каково это, а сейчас понимаю и прекрасно отдаю себе отчёт в своих действиях. И, как и обещала, даю тебе знать о своих чувствах в устной и письменной форме в двух экземплярах, – Трофимова, улыбнувшись, протянула ему конверт с отпечатками своих поцелуев. – Я тебя люблю, Саша.

Произнесённые ею слова повисли между ними окончательным приговором, не подлежащим обжалованию. Выпустив их наружу, девушка глубоко и с облегчением вздохнула. Наконец-то! Она это сделала! Сказала, прямо смотря ему

в глаза, и теперь чувствовала себя так, будто сдала, как минимум, пять сложных экзаменов за один раз на отлично. Саша же в данный момент наоборот выглядел так, будто его на этих экзаменах завалили и мгновенно вписали в списки на отчисление. Не обращая внимание на протянутый ему конверт, он жёстко провёл ладонями по лицу и отошёл в сторону. Вот только бежать от неё было поздно. Катя за ним, пусть и не неслась, сломя голову, но была рядом везде и сразу. И видела, если не всё, то многое, что Синеглазый пытался спрятать.

– Ошиблась, значит, да? – криво усмехнулся мужчина и принялся снимать куртку. От резкости его движений ткань опасно затрещала. – Зашибись, Трофимова, у тебя логика! Сказать, что ошиблась, и будто бы всё нормально! – верхняя одежда полетела в шкаф, дверцы которого закрылись с несвойственным для них грохотом. – Вот только для меня это ни хера не нормально, ясно?! Я сам не ошибаюсь и подобные ошибки не приемлю! От своих слов отказываться тоже не собираюсь! – Соловьёв повернулся к ней и, чеканя каждый слог, повторил то, что она уже слышала раньше: – Мне не нужны серьёзные отношения! Мне не нужны новые обязательства! Мне не нужна ты, Катя, в качестве моей девушки или кем ты там себя возомнила, ясно?!

Наверное, самым логичным после этой фразы было бы, как минимум, удариться в слёзы или, как максимум, закатить такой скандал, чтобы ему мало не показалось. Но да-

же если девушка захотела бы это сделать, то вряд ли смогла, потому что в ней включился режим, который она обычно называла "Шальная Императрица против сто одного загона майора Соловьёва". Ей вроде бы и было из-за чего обижаться и хлопать дверьми, но смысла в этом не было совершенно никакого, так как Саша был не из тех, на кого такое поведение могло оказать хоть какой-нибудь эффект, кроме крайне негативного. Нет, девушка, конечно, соврала, если бы сказала, что его слова её не задели. Задели. Очень даже сильно задели. До такой степени, что желание двинуть ему чем-нибудь тяжёлым усилилось в разы. Только Катя понимала, что, если Синеглазый вбил себе что-нибудь в голову, то ей и кувалда не поможет, а вот честный и открытый диалог вполне. И он должен случиться как бы неприятно и обидно не было. Они же взрослые люди, в конце концов! Им же хватит сил решить все противоречия, правда? Их же не постигнет участь парочек, чья любовь не выдержала первой серьёзной ссоры? Он же... Он же не всерьёз это сказал? Он же на эмоциях ляпнул, что она ему не нужна, да? Ведь будь это так на самом деле, то вряд ли бы Трофимова продержалась рядом с ним и неделю.

Вздёрнув подбородок ещё выше, она сложила руки под грудью и спокойно спросила:

– Майор, ты думаешь я дура, чтобы влюбляться в тебя безответно?

Контролировать себя и не пускаться во все тяжкие было сложно, но не невозможно. Тяжелее было услышать холод-

ное и грубое:

– Я думаю, что ты заигралась в нашу легенду и забыла с кем трахаешься. Всего лишь трахаешься! Какое "влюбляться"? Какое "безответно"?! Я не живу такими понятиями и ты об этом прекрасно осведомлена! Как и о том, что мне и без этой романтической херни живётся не скучно, – мужчина прошёл мимо неё в комнату, слегка задев плечом. – Да и какая к чертям любовь, Кать?! Ты забыла сколько между нами лет разницы? Так вот, напоминая, что я не твой сверстник-двадцатилетний сопляк, у которого из забот только поскорее залезть тебе в трусы. Я взрослый человек, у которого двое детей-подростков, сложная работа и дерьмовый характер. Ты со своими чувствами – последнее, что мне надо в этой жизни.

Девушка прикрыла глаза и со свистом втянула в себя воздух, будто бы получила удар с размаха под дых. Было больно. Пронзительно больно. Но сердце вопреки всем ожиданиям и Сашиним предупреждениям не разбилось. Сжалось только так, словно его кто-то в кулаке со всей силы стиснул, и замерло оглушённое. Замерла и сама Катя, прокручивая в голове его слова. Ничего нового он ей не сказал. Это же самое она слышала и летом на речке, и в первое их расставание, и во время разговора в отпуске. Майору Соловьёву от неё нужен был секс и только. И всё бы ничего, если бы оно действительно было так. Если бы за рамки их договорённостей не вышла не только она, но и он тоже. Если бы Синегла-

зый не смотрел на неё так, как будто никого кроме не видел. Даже сейчас, заявляя об обратном, сверлил ей спину этим взглядом и ещё надеялся, что она поверит! Трофимовой и больно то было не из-за слов о своей для него ненужности, а из-за того, что он отрицал очевидное. Из-за того, что был ошибочно уверен, что у них не может быть ничего серьёзного помимо секса. Из-за того, что ставил свои заморочки выше её и своих к ней чувств.

– Ты сейчас пытаешься меня убедить или себя?

Трофимова не стала оборачиваться. Ей нужно было ещё хотя бы пару секунд без льда в его глазах, чтобы вернуть себе душевное равновесие и продолжить это совершенно бессмысленное противостояние.

– Я говорю как есть, Катя.

– Я тебе не верю, Саш.

– Мне казалось, ты умнее, – хмыкнул он.

Девушка всё-таки обернулась и встретила с ним взглядом. Сказать хотелось многое. Больше половины – матерное. Но Катя была воспитанной девочкой, которой папа с детства вбивал в голову, что ругаться матом – это плохо. Поэтому она сократила речь, вертящуюся на языке, вдвое и оставила лишь одну нецензурщину. Ну а что? Ведь только ругаться матом – плохо, а про то, что изъясняться матом тоже не есть хорошо, ей никто ничего не говорил. Правда, подумав ещё немного, убрала и её тоже. Мат, конечно, великая и универсальная вещь, но вряд ли он поможет в решении их пробле-

мы. Им сейчас, вообще, казалось, была в силах помочь лишь добрая фея Крёстная, исполняющая желания. Взмах палочкой, биби-ди-боби-бу и Синеглазый начинает жить в своё удовольствие, а не в угоду своим тараканам.

— А мне казалось, что ты сильнее своих заговоров и дурацких правил, которые придумал сам себе, — Трофимова наиграно улыбнулась, наблюдая за тем, как темнеют от злости его глаза. — Как видишь, мы оба оказались неправы.

Со стороны создавалось впечатление будто она тоже старалась сделать ему больно и, наверное, будь это так на самом деле, то им обоим было бы сейчас гораздо проще, но самое трагичное заключалось в том, что Катя просто констатировала факт. Он, действительно, был заложником своих тараканов и установок, как, впрочем, и миллионы других людей на планете. И это также не было для неё сюрпризом. Просто то ли из-за любви и надежды на их совместное светлое будущее, то ли из-за банальной наивности и розовых очков девушка считала, что Соловьёв сможет через них переступить и позволит, наконец, себе быть счастливым на полную катушку. Она верила в него. Чёрт возьми, всем сердцем верила! Понимала, что ему это дастся не так легко, как ей, в силу возраста, характера, жизненного опыта, социального положения и семейных обстоятельств, но всё равно верила! Даже сейчас, когда, казалось, что в этом уже нет смысла, продолжала, несмотря ни на что, верить! Да и как могло быть иначе, если Трофимова его любила? Ну вот как?!

– Только жертву из себя не строй, ладно? – фыркнул мужчина, закатив глаза. – Я тебе ничего не обещал и сразу озвучил свои условия. Какие сейчас у тебя ко мне могут быть претензии?

– Мне перечислить их по алфавиту или в хаотичном порядке?

– Катя!

– Ну что "Катя!"?! Ну что?! – воскликнула Трофимова и сама не заметила как оказалась напротив него на расстоянии двух шагов. – Саш, как бы ты сейчас не пытался меня оскорбить, но ты отлично знаешь, что я не дура, не слепая и не глухая! Я в состоянии отличить одно от другого! И как бы ты сейчас не отрицал очевидное, но мы с тобой уже давно не просто двое людей, решивших потрахаться в свободное время! Будь это действительно так, то я бы сейчас не стояла на этом самом месте и не пыталась до тебя достучаться, а как и все нормальные люди, со спокойной душой отмечала Новый год, ещё летом забыв о твоём существовании, – девушка шагнула вперёд и теперь расстояние между ними было не больше тридцати сантиметров. – Мы уже прочно вошли в жизни друг друга. Мы не можем провести по раздельности и пару дней. Мы же друг в друге по уши, Саш! Почему тебе так сложно это принять?

Соловьёв навис над ней сверху, прибегнув к классическому приёму давления взглядом и физическим превосходством. От него беспорядочно исходили волны негодования,

злости и нездоровой упрямости, которые с силой отражались о её щит из правды и искренних чувств.

– Потому что мне это не надо, Катя! Не надо! Сколько раз я могу тебе это повторять?!

– Столько, пока я не услышу хотя бы одну адекватную и весомую причину, почему тебе "это не надо"!

– Потому что я не вижу тебя рядом со мной в качестве своей женщины, Катя! – гаркнул он. – Потому что в жизни есть что-то ещё, кроме этой твоей пресловутой любви! Потому что, повторяю, бл*ть, в сотый раз, мне не нужны обязательства, которые ты на меня хочешь навесить! Эти причины тебя устроят?!

– Нет, не устроят! Потому что я уже ТВОЯ женщина, Соловьёв! А ты МОЙ! Мой! – крикнула в ответ девушка, окончательно потеряв контроль и с психу толкнув его в грудь, но Александр даже не пошевелился и это взбесило её ещё сильнее. – Весь! Целиком и полностью! Мой! Ясно тебе?!

– Не сходи с ума, Катя, и перестань орать! Мы не в дешёвом сериале с федерального телевидения.

– Не перестану, Майор! Буду орать столько, сколько посчитаю нужным! Буду орать до тех пор, пока ты не поймёшь, что ведёшь себя как маленький, трусливый мальчишка! Мнишь из себя взрослого, умудрённого жизнью мужика, а сам забился в свою раковину и боишься из неё шаг сделать! – не сдержавшись, Катя в сердцах снова толкнула его в грудь и снова это не возымело никакого эффекта. – Тук-тук-

тук, Александр Николаевич, вас беспокоит жизнь, которую вы наглым образом просираете! Может, хотя бы постараетесь не упускать шанс быть счастливым, за который другие, менее удачливые люди, не думая, удавили бы кого угодно?!

– Ещё слово, Трофимова, и я тебя удавлю, не думая.

– Давай! Вперёд! Только уже сделай хоть что-нибудь! Будь живым человеком, а не холодильником, живущим по линейке!

После криков тишина казалась слишком резкой и слишком тяжёлой, чтобы продолжать держать спину прямо, но ей каким-то образом это всё ещё удавалось. Хотя чувствовала себя она, как почти сдувшийся и потрёпанный жизнью шарик, который каким-то чудом не лопнул после оживлённых детских игр. Отвратительное чувство. Отвратительная ситуация. Отвратительный день!

– Если я такой ху*вый, то какого ляда ты всё ещё стоишь здесь? – вскинул брови Александр и окинул её взглядом с головы до ног. – Где твоя гордость, девочка?

– Она всегда при мне, а стою всё ещё, потому что люблю тебя, понимаешь? Со всеми твоими заморочками, дерьмовым характером и нежеланием принимать очевидное! Люблю, Саш! Люблю и хочу, чтобы ты был счастливым!

– По мне, это не любовь, а тупость.

– Если по тебе мерить, то жизнь, вообще, полное дерьмо.

Он, запрокинув голову назад, рассмеялся, только веселья в этом смехе не было ни грамма. Лишь какое-то маниакаль-

ное желание уколоть её ещё сильнее.

– Поживёшь с моё и поймёшь, что это действительно так.

– Может, уже хватит строить из себя древнего старика? – Трофимова гневно сжала ладони в кулаки, забыв, что до сих пор держит в руках конверт со своим подарком.

– Может, ты уже отье*ешься от меня, Кать? Я тебе всё сказал и даже несколько раз повторил одно и то же. Просишь от меня принять, как ты говоришь, очевидное, а сама не можешь не то, что принять мои слова, а даже их услышать. Как тебе ещё объяснить, что мне твоя любовь нахер не сдалась? Языком жестов? Смс-ку написать? Смайликами тебя послать? Тогда поймёшь?

Какими только силами она удержалась от того, чтобы не зазвездить ему промеж ног, было известно только одному тапку на правой ноге, в который девушка вцепилась пальчиками что есть мочи. Этот разговор её и так уже до рукоприкладства довёл, для полного счастья не хватало ещё и ногоприкладства по стратегически важным местам. А ещё утром Катя была уверена в том, что в это время они будут праздновать Новый год и наслаждаться обществом друг друга! Ещё несколько часов назад она парила от счастья и строила далеко идущие планы! Теперь же в далёкий поход хотелось послать исключительно одного человека – Мистера-твердолобость-и-му*ачность-в-одном-флаконе.

– Сейчас же смени тон, не то смайликами будешь просить медсестру в травме дать тебе обезболивающее, – Синеглазый

вновь закатил глаза, естественно, не приняв её угрозу всерьёз. – Разговаривай так со своими подозреваемыми на допросах, а со мной, будь добр, следи за языком.

– Может, тогда тебе проще просто свалить отсюда, а, Катя? Не знаю, кого ты во мне напридумывала, но я такой, какой я есть. Петь тебе серенады под окном, подбирать слова, бегать, как щенок, и обещать "долго и счастливо" не собираюсь. Не устраивает? – Александр кивнул на дверной проём за её спиной. – Выход знаешь где. Не забудь оставить ключи и забрать своё шмотьё.

Катя неверяще посмотрела на него, на мгновение забыв как дышать. Ей не слышалось? Он, действительно, её сейчас выгонял? После всего, что между ними было и есть в данный момент? Ему, правда, хотелось, чтобы она ушла?

– Если я сейчас уйду, то больше не вернусь, – не слыша себя, глухо проговорила девушка.

В мыслях билось отчаянное: *"Одумайся пока ещё не поздно, Саш! Не рушь всё так легко! Ты же умный мальчик! Ты же понимаешь, что я права!"*, но сегодня он почему-то её не слышал. Сегодня майор Соловьёв решил идти до конца.

– А ты думаешь, что я тебя позову? – пугающе спокойно поинтересовался Александр.

И это стало последней каплей. Той самой чертой, переступив которую, обратного пути не было.

Конечно, Катя могла дать ему ещё один, неизвестно какой по счёту, шанс. Могла наступить себе на горло и пере-

терпеть. Могла взять тайм-аут и продолжить этот разговор позже, когда схлынут эмоции и вернётся возможность объективно мыслить. Могла, но не стала по одной простой причине – она любила себя и, несмотря на чувства к нему, не собиралась умалять свою ценность. Одно дело, когда они просто ссорились по каким-нибудь пустякам, и совсем другое, когда Синеглазый, прекрасно понимая, что она права, продолжал стоять в такой серьёзной ситуации на своём, осознанно делать ей больно и отчаянно цепляться за скрепы, которые сам себе же придумал. И сколько бы Трофимова не убеждала его в обратном, всё будет бестолку, потому что, как известно, пока человек сам не захочет себе помочь и стать счастливым, то ему никто в этом не поможет. С Сашей эта простая и циничная истина работала как часы, а она в альтруисты не нанималась. Хочет быть сильным, независимым и свободным мужиком, у которого при слове "любовь" едва пена изо рта не идёт? Пожалуйста, флаг в руки. Хочет до конца жизни быть один и носить маску непреступного айсберга? Барабан на шею и вперёд. Хочет, чтобы рядом с ним была пустая кукла без намёка на настоящие чувства? Окей, к носкам с Гринчем она купит ему подарочный сертификат в магазин детских игрушек. Как бы это пафосно не звучало, но Катенька Трофимова не на помойке себя нашла и, как бы больно и горько не было, сможет уйти, не оглянувшись. Даже, если это "больно и горько" с каждой секундой переходило все мыслимые и немыслимые границы. Внешне ни одна мышца на лице

не дрогнула, а внутри... А внутри всё всмятку. В грёбаную болтунью, которую она готовила ему по утрам, когда оставалась у Соловьёвых в гостях на ночь. Ни вздохнуть, ни выдохнуть. Только смотреть как её любимый человек собственными руками уничтожает их шансы на совместное счастье.

– Запомни этот день и свои слова, Саша, – голос не дрожал, не ломался и не срывался. Он просто был не её – бесцветным и безжизненным. – Чтобы потом понимать, почему я, всё ещё по-сумасшедшему тебя любя, поставила на тебе точку.

Пара секунд на то, чтобы запомнить его вот таким – взбешённым, жёстким, чужим. Ещё пара секунд, чтобы запечатать этот образ и доставать его в моменты, когда без него будет совсем тяжело. И мгновение на то, чтобы полюбоваться синими глазами, в которых, несмотря на все его старания скрыть свои эмоции, творился самый настоящий армагеддон в её честь.

Какой же ты всё-таки красивый, Майор. Какой же ты всё-таки мой.

Развернувшись, Катя уверенно направилась к выходу. Благо, что сумочка с документами, телефоном и деньгами лежала в прихожей и ей не пришлось ходить по всей квартире собирать свои вещи. Этого действия её нежная психика точно бы не выдержала и ногоприкладство таки бы произошло. Правда, пакет с нижним бельём и оставшимися новогодними украшениями лежал на диване в гостиной, но де-

вушке он уже был не нужен. Как и подарочный конверт с текстовым признанием. Положив его на тумбу, Трофимова принялась обуваться. Раз сапог. Два сапог. Чёрт, молния заела! Да хрен с ней, пусть будет застёгнута не до конца. Шарф вокруг шеи. Зимняя тёплая парка. Шапка. Варежки... Твою ж налево, да где они?! Кис-кис-кис, идите к мамочке. Мамочке нужно убраться из этой квартиры как можно скорей и подальше.

– А как же "люблю тебя со всеми твоими заморочками"? – раздалось насмешливое со спины, а перед лицом появилась ладонь с теми самыми варежками. – Всё, уже передумала и любишь наполовину меньше?

– Любить и унижаться – это не одно и то же, – запихнув пропажу в карман и не оборачиваясь, всё в той же, несвойственной для себя интонации ответила Трофимова. – Счастливо оставаться, Майор.

Девушка решительно взялась за ручку двери, не менее решительно на неё нажала и уже хотела было сделать самый решительный в своей жизни шаг, как почувствовала руку на своём плече. И, если раньше фраза "и мир замер" казалась лишь красивым литературным выражением, то сейчас она вдруг стала реальностью. Всего одно прикосновение и будто кто-то поставил время на "стоп", подарив им последний шанс на то, чтобы исправить то, что натворили несколько минут назад.

Пожалуйста, Саша, скажи, что ты одумался. Скажи,

что веришь в нас не меньше меня. Скажи, что тоже любишь. Это же так просто!

Катя почти обернулась. Почти позволила себе вновь надеть розовые очки. Почти разжала пальцы на дверной ручке. Но вместе с его дурманящим запахом, путающей мысли близостью и ощущением сильной ладони на плече в сознание ворвалось снисходительно-строгое:

– На дороге будь аккуратней. Если будешь реветь, лучше остановись у обочины и не рискуй собой.

И, если те слова были последней каплей, то эти стали последним гвоздём в крышке гроба.

Шаг вперёд, громкий хлопок дверью и, не дожидаясь лифта, вниз по ступенькам на улицу, где уже начало темнеть и зажглись фонари. Во дворе пусто, на дорогах, по сравнению с другими днями, тоже. Поэтому путь до своего дома Трофимова преодолела в рекордное время, не превышая скорости, не нарушая правил дорожного движения и не размазывая слёзы по щекам. Не было их и всё тут. Да даже, если бы и были, то Катя не собиралась реветь. *Не собиралась, ясно тебе, Синеглазый?!* И не ревела! Не ревела, переодеваясь и сгружая подарки в машину. Не ревела, набирая Маше смс с предупреждением о своём приезде. Не ревела, заезжая через сорок минут во двор дома Баженовых. Не ревела, даже когда, оказавшись среди близких людей, мгновенно окруживших её теплом и праздничной суетой, встретила обеспокоенные взгляды подруги и отца. Внутри месиво, а она, без

единого намёка на влагу в глазах, принялась с энтузиазмом упражняться в юморе с Машиным папой – дядей Вале́й, помогать по кухне и болтать ни о чём с её мамой – тётей Светой, водиться с сыном старшего брата подруги и играть с псом. Лишь бы только не возвращаться мысленно к тому, от кого так красиво ушла.

Выдержка дала сбой только после встречи Нового года, боя курантов и обязательного запуска фейерверков. И, нет, Катя не ударилась в рыдания у всех на виду. Поняв, что не в силах больше находиться в четырёх стенах и веселиться наравне со всеми, девушка тихонько вышла в сад, где весной потрясающе красиво цвели яблони, и плюхнулась на качелю, на которой в тёплое время года проводила с подругой часы напролёт. Она, завернувшись в куртку и нахлобучив капюшон, не чувствовала холода, хотя снова где-то забыла вареники. Не видела яркие разноцветные вспышки, то и дело озарявшие чёрное небо с разных сторон. Не слышала аромат мандаринов, казалось, напрочь впитавшийся в пальцы. Она, вопреки всем стараниям, вместо хмельных пузырьков шампанского в голове чувствовала-видела-слышала лишь мысли. Тяжёлые, шумные, горькие. С каждой секундой они множились и разрастались, но желание от души и чинно поплакать её так и не посетило.

Так что зря переживал, Саш. В твою честь нет ни одной слезинки.

В его честь только сожаление и глобальное разочарова-

ние. Первое в жизни и, хотелось бы верить, что последнее. По крайней мере, наступать на одни и те же грабли девушка больше не планировала. Любовь любовью, а душевное спокойствие и свой комфорт дороже. Она не Господь Бог, чтобы заставить взрослого человека одуматься. Да и в случае с Соловьёвым даже высшие силы будут бессильны, пока он сам к этому осознанию не придёт. Произойти сие великое событие могло завтра, через пять лет или в следующей жизни и Катя не собиралась самоотверженно ждать этого часа. Жизнь утопающего – дело рук самого утопающего. А тонуть до конца своих дней в её жизненные цели никогда не входило, как и класть на алтарь любви себя в качестве жертвы. Нет уж! *Не на ту попал, Александр Николаевич!* Ей всего лишь двадцать два года. Впереди столько всего интересного и захватывающего. Конечно, Трофимовой хотелось бы пройти этот путь рука об руку вместе с ним, повзрослеть на его глазах, достигнуть всех своих мечт и реализовать цели, но Мистер-отье*итесь-от-меня-все предпочёл шагать по жизни в гордом одиночестве. Замечательно! Как говорится, каждой твари по паре, а его Синеглазому превосходительству в пару самую главную тварь – себя любимого.

Неожиданно в поле её зрения ворвалась тёмная четвероногая фигуру, со всех лап бежавшая по направлению к ней.

– Гера, стой! Осторо... – попыталась остановить горячо её любившего пса девушка, но было легче смириться с ситуацией, чем заставить затормозить семидесяти килограммо-

вого немецкого дога.

Секунда и Катя едва не полетела с качели в сугроб, потому что Геральд-Филипп-Людвиг-Третий со всей дури запрыгнул рядом и принялся проявлять к ней свои чувства. Шершавый язык, море слюней и тяжёлые лапы по самым болевым точкам – вот что значит настоящая, искренняя и преданная любовь. Кое-кому бы следовало этому поучиться.

– Фу... Гера.. Крх... Ой, только в ухо не надо!

– Гера, сидеть! – послышался командирский голос отца и пёс послушно сел всей своей тушей на неё, лишив её возможности дышать и похоже едва сдерживаясь, чтобы не продолжить своё прежнее занятие.

– Я сказал, рядом сесть, чудовище, а не на мою дочь.

Гера на эту фразу и ухом не повёл, но слезть на землю ему всё же пришлось, потому что генерал-полковник был крайне решителен. Вернувшийся доступ к кислороду позволил ей глубоко вздохнуть, а свобода движений вытереть слюни с лица.

– Я тоже тебя люблю, сладкая морда, – приведя себя в маломальский порядок, погладила Катя пса, усевшегося возле её ног по голове. – Только давай в следующий раз будем выражать чувства спокойнее, хорошо?

– Он просто чувствует, что ты чем-то расстроена и пытается таким образом приободрить, – Сергей Иванович сел рядом с ней и крепко обнял за плечи. – Что случилось, радость моя? Почему ты здесь, а не с Соловьёвым?

Трофимова тяжело вздохнула и вместо обидчивого "потому что он му*ак, а я красивая" честно ответила:

– Потому что мы решили пойти каждый своей дорогой, пап.

Скрывать это было бессмысленно, хотя и не сказать, что ей легко дались эти слова. Одно дело говорить их про себя и совсем другое вслух да ещё и папе, который явно не ожидал услышать что-то подобное.

– Дочь, ты серьёзно сейчас? – поражённо округлив зелёные, copia её, глаза, повернулся он к ней всем телом. – Вы с Сашей...

– Да, серьёзно. Мы больше не вместе.

Трофимов недоумённо нахмурился, неосознанно обняв её ещё крепче.

– Почему?

Наверное, будь его воля, то он был залез к ней в голову, чтобы быть в курсе самых мельчайших подробностей, но Катя не собиралась вываливать на родителя свои проблемы. Неправильно это и совершенно не в её характере. К тому же папа отродясь не был посвящён в её личную жизнь, зная лишь то, что она подходит к отношениям с противоположным полом осознанно и с умом.

– Потому что такое случается, папуль. Дороги сначала сходятся, потом расхо...

– Отставить демагогию, Екатерина! Чётко и ясно скажи, что произошло, чтобы я понял, начинать мне сушить суха-

ри или Соловьёв ещё может ходить по этой земле живой и здоровый.

Девушка, ожидая от отца именно такую реакцию, только невесело хмыкнула.

– Это не наш метод, папочка.

– Зато действенный, – фыркнул мужчина, напрягаясь с каждой секундой всё сильнее и сильнее. – Если он тебя огорчил и обидел, то я ни о чём жалеть не буду, Катюша. Прихлопну, размажу и дело с концом.

Синеглазый сделал и то, и другое, ещё и разочаровал вдобавок, но размазывать его руками папы Трофимовой не хотелось, хотя она прекрасно знала, что хватит всего одного её кивка, чтобы родитель перешёл в боевой режим.

– У нас уже "дело с концом", пап, а, как известно, после драки кулаками не машут, – и только сказав, Катя поняла двусмысленной своей фразы. – Нет-нет, пап, ты не так понял, – поспешила она заверить Сергея Ивановича, опасно стиснувшего руки в кулаки. – Я про драку образно сказала. Пословица такая есть, помнишь? Ничего такого у нас с Сашей не было. Мы просто поняли, что нам вместе больше не по пути, и, можно сказать, спокойно разошлись по разным сторонам. И вообще, – девушка, дабы отвлечь своего слишком впечатлительного отца, решила сменить тактику и перевести стрелки на него же самого. – Я думала, что ты будешь рад этому. Помнится мне, ты был не в восторге от наших отношений.

– А чему тут радоваться, дочь? И, да, действительно, поначалу я был настроен скептически, но сейчас... Не знаю, Катюша. Мне, правда, на душе было спокойнее за тебя, когда вы были вместе. Каким бы Соловьёв сложным человеком не был, но это не умаляет того факта, что за тебя он, как и я, готов порвать кого угодно.

– Не забывай, папуль, я и сама способна, в случае чего, кого-нибудь порвать.

– Я знаю, радость моя, но одно дело, когда ты одна, и совсем другое, когда за твоей спиной стоит кто-то сильный и влиятельный.

Может, физически это действительно было так, но в плане эмоций и честности к себе она была сильнее. Гораздо сильнее. И сегодня это подтвердилось ещё раз.

– Пап... – вздохнула Екатерина.

– И, если совсем быть честным, то я тебе поверил, дочь. Сначала подумал, что ты мне нагло звездишь о вашей любви, но потом, понаблюдав за вами, пришёл к выводу, что ошибался. Валентин, – мужчина кивнул на дом Баженовых. – Подбивал ставить ставки на то, как скоро ты сменишь фамилию.

Девушка, поморщившись, спрятала лицо у отца на груди. Слышать подобные слова после всего, что произошло, было... Тяжело. Как серпом по несуществующему у неё месту.

– Ну, что ты, Катюш? – забеспокоился папа, теснее прижимая её к себе. – Ну, не надо так с собой... Ты же знаешь,

что никто не стоит твоих слёз, драгоценная моя.

Эту истину Сергей Иванович вдалбливал в неё с детского сада и похоже не зря, раз у неё после случившегося до сих пор не пролилось ни одной слезинки.

– Я и не плачу, пап, видишь? – немного отстранившись, продемонстрировала она родителю своё личико, но добилась только того, что он ещё сильнее нахмурил свои кустистые брови. – Правда, папуль, я в порядке. Приятного, конечно, мало, но биться в истерике и сигать с крыши не собираюсь. Тем более, ничего страшного не случилось. Ну, подумаешь, расстались. Невелика беда. Мир клином на одном человеке не сходится, правда, ведь?

Вместо ответа папа, ласково обхватив Катину лицо своими большими ладонями, поцеловал её в лоб и подбадривающее улыбнулся.

– Горжусь тобой и завидую сам себе.

– А почему завидуешь?

– Потому что у меня самая лучшая дочь на свете, которую ждёт счастливое будущее. Обещаю, родная, у тебя всё будет прекрасно. Ты только оставайся собой и никогда не забывай о том, какая ты особенная, а всё остальное... Жизнь такая непредсказуемая штука, что положение дел может измениться в одно мгновение. Поэтому заострять внимание на чём-то одном, тем более на плохом, не стоит. Нужно сделать выводы, отряхнуться и идти дальше. А в твоём случае парить, Катюша. Расправить крылья и парить.

Крыльев у неё не было, а вот точёные плечи были. Их Катя, следуя папиному совету, и расправила. А дальше её прирождённая жизнерадостность и любовь к себе сделали всё за неё. Взмыли вверх, не давая мужчине, который так запал в душу, и шанса на то, чтобы лишить её веры в лучшее и, самое главное, веры в себя и свои чувства.

Глава вторая. Александр.

– Если я сейчас уйду, то больше не вернусь.

И глаза на него свои колдовские округлила, из-за чего первым порывом было послать к чертям собачим здравый смысл, которого к концу их разговора и так почти не стало, и заткнуть ей рот одним единственным действенным способом – поцелуем, но через секунду злость и остатки всё того же здравого смысла привели его в чувство. В то самое чувство, которое накрывало так, что хотелось сначала от души выматериться, потом дать себе хорошего леща за то, что не может управлять эмоциями, а затем дать затрещину кому-нибудь другому. Например, тому, кто надоумил Барби прийти к нему с этой чушью про любовь!

Откуда, бл*ть, только она это взяла?! И, самое главное, зачем?! Или это чисто бабская черта придумывать себе головную боль, когда всё хорошо и ничего не беспокоит, на пустом месте?! У них же всё так и было с момента возвращения домой! Даже не просто "хорошо", а чертовски ох*ительно! Они вместо того, чтобы е*ать друг другу мозги, методично следовали своей легенде, играли во влюблённую парочку и беспрепятственно зажигали наедине. Его родные, сами того не подозревая, с энтузиазмом им подыгрывали, окончательно переведя Трофимову в разряд "своих". Им не приходилось включать актёрские способности и с пеной у рта заве-

рять всех вокруг, что у них настоящие отношения. Всё и так складывалось наидеальнейшим образом. Как по маслу, чёрт возьми! А теперь, ни с того ни с сего, дочка шефа решила заменить масло щёбнем и по ощущениям они, вывернувшись наизнанку, пропахали об неё себе всё тело. Потому что горело у Соловьёва внутри знатно. Можно было даже сказать, пылало. Да с такой неконтролируемой силой, что он даже не замечал как изо рта вылетала одна фраза грубее другой. Как перешёл на ор и думать забыл о сдержанности. Как его всего захватило лишь одно желание и совсем не то, какое было раньше – схватить, прижать и утащить в постель, а вернуть зарвавшуюся пигалицу, посмевавшую ставить перед ним условия и прикрывавшуюся мифической любовью, с небес на землю. Да так, чтобы раз и навсегда поняла, что с ним эта романтическая херота не пройдёт, и чтобы в следующий раз думала прежде, чем нарушать, безоговорочно принятые ею же, правила и открывать свой сладкий ротик.

– А ты думаешь, что я тебя позову?

Каких только усилий ему стоило это сказать, снова не срываясь на крик, не знал, наверное, никто. Слова вместе с дыханием с трудом продирались из груди, опалая глотку огнём. Этот ненормальный, нездоровый жар, казалось, ощущался даже в воздухе и с каждой секундой всё нарастал и нарастал, грозясь обернуться неукротимым стихийным бедствием. Для этого требовалось всего одно мгновение, одно Катинино слово, но девчонка и здесь сделала по-своему. Она не ста-

ла молчать, Хотя это, наверное, было бы самым мудрым решением на данный момент. Она, посмотрев на него так, как не смотрела никогда, размазала по стенке всё его бешенство и желание её оттолкнуть любыми способами уверенным:

– Запомни этот день и свои слова, Саша, чтобы потом понимать, почему я, всё ещё по-сумасшедшему тебя любя, поставила на тебе точку.

В зелёных глазах не было пекла, которое Соловьёв наблюдал ещё минуту назад. Не было обиды. Была лишь горечь и сожаление. Старые знакомые чертята, потеряв к нему весь интерес, разошлись по разным сторонам, поджав острые хвосты и удручённо покачивая рогатыми головами. И не нужно было быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что дочка шефа, та самая Катенька Трофимова, что была рядом физически и в мыслях на протяжении полугода, в нём разочаровалась. С треском.

От этого дерьмового осознания у мужчины на какое-то время пропал дар речи и единственное, что у него в этот момент получалось, это стоять столбом и смотреть на то, как она, выполняя его желание, уходит. Уходит красиво. С прямой спиной и гордо вздёрнутым подбородком, будто не сама едва ли ни с пеной у рта уверяла его в своей неземной любви ещё совсем недавно. По всем законам романтики, навязанными "гениальными" киноделами и писателями с их шИдеврами о большой и чистой, благодаря которым они гребли, гребут и будут грести бабло лопатами, ему сейчас

нужно было пройти следом за ней и костями лечь, лишь бы только Её-Величество-сначала-скажу-одно-а-потом-предупреждаю не переступила через порог квартиры. Вот только Саша жил по своим, чётко выверенным и проверенным жизнью, законам, которым всегда неукоснительно следовал, и пошёл за ней следом не для того, чтобы удержать, а для того, чтобы в очередной раз убедиться в правильности своих поступков. А в том, что он действовал правильно, мужчина не сомневался.

Будь они в другой ситуации и не обговори всё с самого начала, то её претензии и поведение ещё могли иметь какой-нибудь вес. Но их отношения изначально строились на условиях, не предполагающих по-настоящему чего-то серьёзного и это обсуждалось ими обоими не раз и не два. Майор поэтому-то и позволил себе данную слабость в лице дочки шефа, потому что знал, точнее даже был уверен в том, что ей он, как партнёр в полном смысле этого слова, не нужен. Катя с первой встречи дала понять, что не хочет от него ничего, кроме флирта и секса, и подтвердила это, когда соглашалась на продолжение игры в любовь. Подтвердила, мать её! А он, дурак, поверил, не придав словам шефа о влюблённости дочери должного внимания. Поверил двадцатилетней девчонке с ветром в голове и перманентной тягой находить приключения на свой округлый зад! И в какой только момент успел так размякнуть и упустить из вида первые звоночки о том, что дело пахнет жареным? До "отпуска" или после? Когда

Трофимова успела нарядить его в наряд сказочного принца на белом коне и убедиться, что он именно тот, кто ей нужен для счастья? Александр ещё мог понять этот её просчёт, если бы вешал ей лапшу на уши с первой секунды знакомства и продолжал это делать на протяжении всего полугода, но нет же! Он сразу ясно дал понять свою позицию насчёт серьёзных отношений и всего из них вытекающего, сразу был с ней таким, какой есть, сразу обозначил свои границы. Так, спрашивается, с какого хрена она решила, что вправе их безнаказанно переступать?! Откуда столько глупой самоуверенности? С чего, вообще, она взяла, что ему, взрослому мужику, успевшему вкусить все "прелести" брака и развода, отцу двоих детей-подростков и трудоголику нужна новая головная боль в виде отношений с далеко идущими планами с девчонкой, мало того, что почти вдвое младше его, так ещё и являющейся дочерью своего непосредственного начальника? До сегодняшнего дня данный факт воспринимался через призму их договорённостей и особых опасений за свою карьеру у него не вызывал. Но будь всё по-настоящему, не на публику, то выход был один – ЗАГС. Так его воспитали родители, для которых в отношениях между мужчиной и женщиной не было полумер. Либо вы просто балуетесь без каких-либо обязательств, либо поступаете осознанно и живёте по правилам – встречаетесь, женитесь, рождаете детей и живёте вместе до конца своих дней. Данная, навязанная прежде всего отцом – достаточно строгим и принципиальным в та-

ких вопросах человеком, модель отношений, применённая на нём и Ирине, провалилась с грохотом после десяти лет совместной жизни. И Соловьёв прекрасно понимал, что эта модель устарела, видел её недостатки и знал, что хорошего в ней мало, вот только перестроиться не мог. Также, как и не мог не то что представить Катю в качестве своей жены, а даже позволить себе думать о ней в этом направлении. Не потому что она была какая-то не такая, а потому что ему были не нужны ни новый брак, ни новая супруга, ни новые проблемы в виде совместного быта, притирок и, чего уж греха таить, детей. Какой бы Барби не была распрекрасной и какие бы хорошие отношения у неё не были с его семьёй, это не отменяло того факта, что она сама по сути была ещё ребёнком, который вряд ли сможет быть с ним наравне не только в жизни в целом, но и в воспитании его дочери и сына. Да, конечно, у них была мать и во второй они не нуждались, но быть с ним рядом 24/7 означало и быть рядом с двойняшками, требующими для себя время, энергию и деньги. Он не относил себя к идиотам, романтизирующим родительство и бестолково визжащим на каждом углу, что дети – это цветы жизни. Саша к этому вопросу подходил максимально реалистично и отдавал себе отчёт в том, что даже один ребёнок – это прежде всего куча материальных и не только затрат, а когда их несколько, то эти затраты увеличивались пропорционально их количеству. Данный факт, в принципе, не мешал ему обожать своих отпрысков больше всего и всех на свете.

Вот только в то же время он был честен с собой и прекрасно осознавал, что не сгруппи они с Ирой четырнадцать лет назад и отнесись к предохранению от нежелательной беременности серьёзней, то их жизни сложились во многом иначе. Впрочем, мужчина бы соврал, если сказал, что жалеет об упущенных возможностях и недоволен своей жизнью. Как раз таки очень доволен и не собирался кардинально менять её уклад. Точно также он не собирался подвергать детей риску, подпустив к ним слишком быстро молодую безбашенную девчонку. С чего ему быть уверенным в том, что присутствие Кати в их семье окажет на них хорошее влияние и что однажды она, пусть и неосознанно, не причинит им боль или не подаст плохой пример? Васька с Колей сейчас, как губки, впитывали в себя всё без разбора и, да, пока Майор не видел, что общение с ней приносит им вред, но до какой поры это продлится? Трофимовой ведь самой ещё взрослеть и взрослеть! Какие у него есть гарантии, что через год-два-три она, устав от обязательств, не уйдёт в закат? Кто ему пообещает, что её уход не отразится на привязавшихся к ней маме и двойняшках самым неблагоприятным образом? Сама Катенька? Она ему и не влюбляться обещала, а что вышло в итоге? Или Саше сейчас всю жизнь делить её слова надвое и ждать подвоха? Так это не жизнь получается, а чёртово минное поле! Он же в камикадзе не нанимался! И пусть в её глазах он был зашоренным трусом, ставящим свой комфорт и покой превыше всего, пусть считает, что он боится жить в

полную меру и обманывает сам себя, пусть думает, что он просирает свой шанс на счастье. Пусть. Это всё равно ничего не изменит. Саша поступил верно. Поступил так, как подобает взрослому человеку, отвечающему не только за себя, но и за своих близких, не став тянуть кота за интимное место. В конце концов, ему уже не двадцать и даже не двадцать пять, чтобы бросаться в омут с головой и не думать о будущем, поэтому, если и рвать, то сразу с корнем, как бы тошно при этом не было, и не жалея ни о чём. Так рана быстрее отболит и затянется. Всё остальное – бред сивой кобылы, на который у него не было ни времени, ни желания.

Но всё же отпустить Катю так просто, видя её состояние, мужчина не смог. Если с ней что-нибудь случится, то, как минимум, шеф ему голову открутит голыми руками, и, как максимум, Александр даже не будет сопротивляться.

– На дороге будь аккуратней. Если будешь реветь, лучше остановись у обочины и не рискуй собой.

Вместо ответа – красноречиво громко закрывшаяся перед носом дверь и тишина, о которой мужчина мечтал на протяжении последних двух недель. Его и так не отличающаяся спокойствием работа под конец года начинала играть новыми безумными красками и выкачивала в несколько раз больше времени и сил, чем обычно. К сумасшествию на ней прибавлялись общая суматошная атмосфера перед праздниками, нежелание сотрудников работать в полную силу и один завал за другим, так что к тридцать первому числу он чув-

ствовал мертвецкую усталость от всего и в первую очередь от людей. План выспаться в новогоднюю ночь, а не предаваться праздничному веселью, был ему хорошо знаком и продуман до мелочей, так как был изобретён ещё несколько лет назад. Детей с мамой – на море, Зефира – за дверь, подушку – под голову. Вот только он не учёл, что в этом году, рядом была ещё и Трофимова, любящая поступать исключительно по своему. Теперь к усталости добавилась ещё и пугающая по своим масштабам злость, негодование и глупое желание что-нибудь разбить, чтобы выпустить пар.

– *"Голову себе, Майор, разбей!"* – послышалось в мыслях знакомым звонким девичьим голосом. – *"Всё равно ею не пользуешься"*.

Соловьёв встряхнул головой и, стремительно развернувшись, прошёл в гостиную, где, казалось, не осталось ни сантиметра, пропитанного Трофимовой. Ёлка, под которой лежали забавные тёмно-зелёные носки с изображением Гринча, новогодние украшения на окнах стенах и мебели, аромат клубники, витающий в воздухе, пакет с чем-то, забытый ею на диване. На кухне ситуация обстояла не лучше и, ко всему прочему, как вишенка на торте, ломящийся от количества приготовленных блюд стол. Хотя, нет, вишенкой чуть позднее оказался тот самый конверт с отпечатками губ, который она ему с таким усердием пыталась всунуть и который он зачем-то всё-таки открыл. В нём лежали два аккуратно сложенных листа с заголовком "Чистосердечное призна-

ние", текстом "Я тебя люблю, мой не зелёный, но очень вредный нелюбитель новогодних праздников" и их совместной фотографией, сделанной Василисой около месяца назад. В тот день Барби вытащила их всех в театр, а затем затянула в пафосный ресторан, где произвела фурор среди гостей в своём достаточно закрытом, но всё равно вызывающем неуместные эротические фантазии обтягивающем платье. Официант заглядывал ей в рот, ловил каждое слово и шугался Сашиного тяжёлого взгляда, которым тот награждал его каждый раз как мальчишка оказывался на расстоянии трёх метров от их стола.

– *"Ты смотришь на него так кровожадно, потому что хочешь есть или потому что..."* – хитро сверкая глазами, как бы невзначай протянула девушка.

– *"Потому что боюсь, что ты поскользнусь на его слюнях на тебя, когда буду выходить из-за стола"*.

Катя весело рассмеялась, заставив и его улыбнуться следом, и именно этот момент дочка успела запечатлеть на свой смартфон. Не зная он всей их подноготной, то, взглянув на снимок точно бы решил, что широко улыбающаяся белокурая молодая красотка и мужчина, сидящий рядом, положивший руку на спинку её стула и смотрящий на неё так, будто, если отвернётся, то мир рухнет, счастливая и по уши втюрившаяся друг в друга парочка. Но Саша знал. Знал себя, знал её и знал, что именно их удерживает вместе. Только этой правды на фото почему-то не наблюдалось. Лишь отображение

случайного момента, не имеющего ничего общего с действительностью.

Может, именно эта иллюзия и вскружила Трофимовой голову? Может, поэтому она и поверила в то, что между ними никогда не было?

"...И, как и обещала, даю тебе знать о своих чувствах в устной и письменной форме в двух экземплярах..."

По-хорошему этот конверт стоило бы выбросить, как и пакет с её вещами. Как говорится, с глаз долой, но... Но рука, несмотря на доводы рассудка, не поднялась, поэтому они отправились не в мусорное ведро, а в комод к её же стрингам, лежащим там ещё с лета. Рухнув на постель, Соловьёв жёстко провёл ладонями по лицу, надеясь поскорее уснуть, только и тут его ждал облом, потому что спальня также была пропитана Катей. Да так, что хоть окна открывай и впускай зимнюю стужу и то он сомневался, что это даст какой-нибудь результат. В очередной раз перевернувшись на другой бок, Александр раздражённо вздохнул. Обычно, чтобы уснуть ему требовалось лишь оказаться в тишине и закрыть глаза. Тишина в наличии имелась, в закрывании глаз проблем тоже не наблюдалось, но взвинченное состояние, ворох мыслей и супервулкан эмоций, разбуженный Барби, бодрили лучше самого крепкого кофе. А когда настала полночь и со всех сторон слышались хлопки фейерверков, эмоции, в сдерживании и сокрытии которых, ещё пару часов назад казалось, он добился совершенства, достигли верха.

– Да что ты за человек, Трофимова?! – прорычал Майор сквозь зубы, резко садясь на постели.

Никто, кроме неё, не умел так легко и мастерски выводить его из себя. Никто! Ни бывшая жена, ни безответственные подчинённые, ни гражданские лица, с которыми приходилось общаться по долгу службы. У Барби словно был невидимый переключатель или магическая способность за одно мгновение превращать его из собранного и образцового служителя закона в едва ли не брызжущего слюной в процессе выяснения отношений придурка. Видел бы его отец, который, будучи эталоном выдержки и стойкости, с шести лет вдалбливал в него, что вспыльчивость и дурацкая привычка рубить с плеча ещё никого до добра не довели, а Сашу в силу его упёртого и непримиримого характера не доведут точно. Только ни в детстве, ни в юности Соловьёв подобными чертами похвастаться не мог. С горячностью характера немного помогал справляться спорт, где самообладание было необходимым, а зачастую и решающим фактором, но в остальном приходилось контролировать каждый свой шаг и слово. И дело заключалось не в том, что он был агрессивным, кидался на людей за любой косой взгляд в свою сторону или мог начать орать ни с того ни с сего на близких, а в том, что в их семье, вообще, в целом проявление излишних эмоций считалось бессмысленным занятием, от которого стоит воздерживаться и подходить к решению проблем с трезвой головой и холодным сердцем. Потом этого же самого от него стали

требовать работа и статус отца двоих энергичных, порой даже чересчур, детей. Так что к своим годам он уже было решил, что взял свой пыл под жёсткий контроль, но в его жизни появилась Катенька Трофимова и вся выдержка, хладнокровие и принципы рухнули к её красивым ножкам. Самое хреновое было то, что это замечал не только он.

Ирина перед самым своим отъездом не забыла намекнуть ему об этом в своей манере, сказав:

– А со мной ты был другим.

Александр, отвлѣкшись от сборов на работу, взглянул на неё исподлобья в надежде, что бывшая супруга поймѣт всё по его взгляду и не будет лезть туда, куда её не просят, но Ира на удивление не собиралась молчать. Раньше, бросив, как бы невзначай, одну фразу, она бы не сказала больше ни слова, ожидая от него мгновенного понимания и действий, но сейчас было очевидно, что женщина чѣтко намерена продолжить разговор. С какой только стати, интересно? Неужели смена места жительства и работа мечты так благоприятно на неё повлияли?

– Не человек, а айсберг, – смело выдержала его взгляд Ира. – Знала бы я раньше, что ты умеешь чувствовать, как и все другие люди на планете, но для этого тебе нужно лишь влюбиться, то...

– То?

– То подала бы на развод раньше.

Соловьѣв хмыкнул. Тема "Ты меня любишь не так, как

люблю тебя я" похоже будет актуальна в их отношениях вечно. Её абсурдность состояла в том, что он не то что любил бывшую жену меньше, чем она его, а в том, что не любил её вообще.

– Не льсти себе, Ириш. Не подала бы.

Теперь черёд цинично усмехаться перешёл к ней.

– Ты прав, не подала бы.

Между строк читалось "кишка тонка", но они оба решили не озвучивать суровую правду вслух в память о годах, проведённых бок о бок.

Катя же в свою очередь, как пелось в песенке из мультсериала, когда-то горячо любимого двойняшками, была не человеком, а динамитом, находиться рядом с которым было опасно для своего душевного спокойствия. Не было ни дня, ни минуты, ни мгновения, которое бы она не превращала в Бразильский карнавал. Для этого ей даже безумные пёстрые костюмы с перьями и стразами не требовались. Она и ночью, во сне, умудрялась устраивать для него персональный фестиваль со всеми вытекающими, а бодрствуя тем более не давала и секунды на передышку. Не то что бы его это не устраивало или надоедало, скорее пугала своя реакция на этот бесконечный праздник жизни и сформировавшаяся за достаточно короткий срок привычка видеть её рядом с собой везде и всюду почти круглосуточно. Даже сейчас, после всего между ними произошедшего, Александр просто не мог отделаться от ощущения, что не хватает под боком кое-кого

кудрявого, очень языкастого, вертлявого и любящего складывать на него свои ноги.

Мужчина чертыхнулся и посмотрел на дверь, ведущую в коридор. Может, Зефира впустить, чтобы тот складывал на него свои лапы? У него их, в конце концов, целых четыре штуки, складывай не хочу, но мохнатого обжоры за дверью не оказалось. Не оказался он и в комнатах детей, где обычно обладал неограниченным полномочиями. На кухне, на его любимом месте возле миски с едой, тоже было пусто. Нашёл-ся кошара в гостиной, сидящим на подоконнике и меланхолично смотрящим в окно.

– Ты что здесь забыл, хвостатый?

Питомец не повёл и ухом, будто бы рядом с ним никого нет.

– Спать в кровать со мной пойдёшь?

И снова полный игнор.

– А есть?

Ноль внимания.

– Ну и хрен с тобой, чудовище, сиди голодом.

Голод и Зефир – вещи, конечно, несовместимые. Скорее Сахара станет океаном, чем их кот будет голодным, но погрозить зажавшемуся усатому лишним не будет. Ну, и что, что тот его наглым образом игнорировал? Главное, что это помогло Саше отвлечься от мыслей о Ка... Чёрт! И снова ты, Трофимова!

В который раз разозлившись на самого себя, мужчина вер-

нулся в спальню и, не придумав ничего лучше, снова лёг в кровать, в которой, к его сожалению, присутствие Барби ощущаться меньше не стало. Или это у него уже сдвиг по фазе сегодня случился и поэтому она в каждом углу мерещилась? Или потому что в последнее время девушка стала очень частой гостьей в этой самой кровати? Смотрелась она в ней, нужно было признать, весьма и весьма органично и днём, и ночью, и по утрам. По утрам особенно, так как ранние часы действовали на дочку шефа крайне удивительным образом, а именно превращали её в неженку-пай-девочку, что ластилась к нему, как ручная кошка, и сонно щурила свои изумрудные омути. Катя просыпалась вместе с ним, хотя могла поспать ещё лишний час, нежно целовала в губы, отправляла его в душ, а сама направлялась будить двойняшек, давая ему возможность спокойно собраться на работу, и после их пробуждения вовлекала детей в совместное приготовление завтрака. Благодаря её организаторским способностям и поражающему умению налаживать контакт с двумя крайне вредными по утрам подростками, будние дни начинались не с раздражения, стресса и спешки, а спокойно и размеренно, что его не переставало удивлять и в то же время немного настораживать, так как Александр никак не мог понять, как девушке удаётся так просто поднимать дочку и сына с постели. Обычно Вася с Колей вставали с трудом и в не самом хорошем расположении духа, спорили о том, чья сегодня очередь идти в ванную первым, а чья готовить завтрак, и в го-

лос обещали себе сегодня вечером лечь пораньше. На следующее утро всё повторялось. С Трофимовой же они вели себя как шёлковые, сияли улыбками и даже старались меньше зевать за столом. Увидев данную идеальную картину в первый раз, Майор было подумал, что его отпрысков выкрали инопланетяне, но потом дочка, горячо рассуждая о бессмысленности новогодних школьных ёлок, едва не пролила на себя горячий чай, а затем в своей непередаваемой манере выразила негодование на этот счёт и это усыпило его подозрения. Теперь же ему предстояло не только вернуться к прежнему укладу жизни, но и как-то объяснить родным Катину в нём отсутствие. И объяснить так, чтобы сразу пресечь все вопросы и надежды на то, что она может вновь появиться у них дома в качестве его как бы девушки. Дать понять, что больше не состоится никаких совместных ужинов-завтраков, никаких разговоров ни о чём и обо всём одновременно, никаких ночёвок и никакой Катеньки Трофимовой в целом. Их игра итак уже вышла из-под контроля и неизвестно сколько времени и сил уйдёт на то, чтобы разгрести её последствия.

А в том, что их будет дохрена и маленькая тележка, Соловьёв был уверен. В конце концов, не первый год живёт. Отходники от Барби уже первый тому пример. Дальше – недовольство семьи, ломка из-за привычки видеть девушку рядом 24/7, тяжёлый разговор с шефом и любопытство знакомых, которым их "роман" не давал покоя с первого дня возвращения из совместного "отпуска". На то, чтобы высказать

в лицо предположения о его меркантильных целях, которые он якобы преследует, встречаясь с дочкой начальства, сплетникам не хватало храбрости, зато за глаза они не уставали чесать языками и заискивающе улыбаться при встрече. Это мужчину задевало постольку-поскольку, но не замечать на себе косые взгляды не мог. Известие о их расставании наверняка наделает ещё больше шуму и к нему стоило подготовиться хотя бы для того, чтобы как сегодня не взорваться в самый неподходящий для этого момент и тем самым не дать стервятникам повода для радости и убеждения в своей правоте. Ко всему прочему, также было крайне необходимо выработать стратегию общения с Сергеем Ивановичем. Его реакция будет очевидно не самой положительной, но при своём к нему уважении и понимании его отцовских чувств Саша не собирался пускать Трофимова дальше допустимого и начинать перед ним каяться, придумывать отговорки с оправданиями и всяческим образом обелять себя. Во-первых, это было не в его характере. Во-вторых, никто не имел права лезть в их Катины отношения. В-третьих, это было просто навсего бесполезно, так как какой бы ситуация не была, но шеф всё равно останется на стороне дочери, которая была для него всем и вся. Данной позиции Соловьёв и сам придерживался по отношению к своим детям и не видел в этом ничего предосудительного. Даже если Сергей Иванович решит воспользоваться служебным положением, чтобы прижать его за одно чувствительное место, то чисто по-мужски

Майор это решение поймёт. Он, вообще, ожидал чего-то подобного ещё в тот момент, когда после отпуска поехал к начальству с отчётом и признанием о том, что всё-таки вышел за границы дозволенного. Зачем оттягивать неизбежное, когда дуло пистолета уже приставлено к виску?

Шеф, изрядно вымотавшийся из-за игры в кошки-мышки с зарвавшимися бандюками, но будучи в хорошем расположении духа из-за своей над ними победы, встретил его тогда приветливой и благодарной улыбкой. Выслушав отчёт, он кивнул, мол, молодец, и, сев рядом с Соловьёвым, похлопал по плечу.

– Я и не сомневался в тебе, Саша. Спаси...

– Подождите благодарить, Сергей Иванович.

– Почему? Только не говори, что скромничаешь, майор, – по-доброму усмехнулся Трофимов.

– Нет, скромности-то как раз мне и не хватает. Я хочу лично поставить вас в известность о том, что наши с Катей отношения стали настоящими, – таким же ровным голосом, каким докладывал отчёт, произнёс Александр.

В каждом слове ложь и правда одновременно, но ему совсем-совсем не совестно. У него на губах всё ещё ощущался вкус Кати, а в ушах гроыхало её игриво-серьёзное: "*Не звони. Сразу приезжай*", поэтому о совести ему думать было некогда. Хотелось поскорее расправиться с делами и, зная, что девушка его ждёт, снова рвануть к ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.